

18+

НАТАЛЬЯ ТИМОФЕЕВА

ПОЭЦКАЯ РЫЛИКА

СТИХОТВОРНЫЕ ПАРОДИИ

Наталья Тимофеева

**Поэцкая рылика.
Стихотворные пародии**

«Издательские решения»

Тимофеева Н.

Поэцкая рылика. Стихотворные пародии / Н. Тимофеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515287-9

Вторая книга пародий, которые я пишу от обиды за «великий и могучий». Немногие, называющие себя писателями и поэтами, умеют выражать свои мысли и чувства с помощью родного языка, хотя всего каких-то 30 лет назад Россия считалась самой читающей страной, имеющей в активе прекрасных авторов, известных во всём мире. Удивительно, как за такой короткий срок образовалось столько косноязыких борзописцев, почитающих себя за великих рифмоплётов и прозаиков. Увы, ЕГЭ и гаджеты сделали своё чёрное дело. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-515287-9

© Тимофеева Н.
© Издательские решения

Содержание

Поэцкая рылика	6
Титан	6
Улыбально-игральная	8
Чики-пуки	9
Назад, к истокам	10
Профессионал	11
Образчик мысли	12
Врача!	13
Муки Икара	14
Любовь – не картошка	15
Здравствуй, запой!	16
Битый пиксел	17
Ни бе, ни ме	18
Мочалки, эй!	20
ВСВ	21
Гигант свежей мысли	22
Разноцветная пародия	23
Поэтическое ассорти	24
Осенняя телегия	25
Блеск и нищета	28
Осенняя телегия 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Поэцкая рылика Стихотворные пародии

Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2020

ISBN 978-5-0051-5287-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэцкая рылика

Книжку эту я посвящаю своей бабушке, Евгении Ивановне Тимофеевой, заслуженной учительнице РСФСР, которая, будучи выпускницей пансиона благородных девиц, преподавала русскую словесность красным командирам, лишившим её родного дома, а её внуков – будущего:

«Когда генетически грамотные люди покинут этот мир, и некому будет учить народ родному языку, он, народ, снова забормочет нечленораздельно, не умея ни читать, ни писать...» Е.И.

После того, как очередная пародия по жалобе автора стиха удалялась с сайта, я писала новую пародию на то же стихотворение, поэтому в книге есть повторы цитат.

Авторские орфография и пунктуация пародируемых произведений сохранены.

Титан

Улыбай
Илья Бестужев

Ты меня – удивляй. Изумляйся и трепетно смейся.
Пусть большой алабай что-то гавкает в свой улыбай.

*

Ты меня улыбай, поутру мои волосы глядя,
И последний трамвай отпустив танцевать на юру.

*

Ты меня улыбни, затерявшись на белой подушке,

*

И постелью расписаны дни и случайные сны
Ты меня....

Ты постой-погоди, не беги, пароход наш отчалил,
Пусть Титаник горит или тонет, нам всё до звезды.
Постели мне постель, молока нацеди или чаю,
Да хлебало закрой, много мух, далеко ль до беды.

Ты меня покачай на продрогших от ветра коленях,
И, глядишь, мне на ум вновь придёт ледяной океан...
Мы с тобой затерялись в давно позабытых селеньях,
По ошибке ль, намеренно, или я вовсе был пьян.

На постели лежу и рисую пейзажи пастелью,
Все фантазии сотканы мною из давешних снов...
Мой подрамник извилин изъеден не солью, но селью,

А бумага всё стерпит, и сам я к полёту готов.
Я тебя...

Улыбально-игральная

Поигрушки
Илья Бестужев

... Улыбая котом, говоря по фарси и хазарски,
Колбася иваси и смешав снегопадность с дождем,

*

Этот утренний топот кошачьих подкованных лапок
В небесах, где висит и шуршит звездопадная взвесь,
Где рассвет между крыш тихо гадит в подставленный тапок,
Улыбая камыш. В промежутке меж утром и здесь.

*

Поиграем с тобой? В улыбалки? На славный коньяк?

Мне на закуску сготовь что-нибудь из вчерашних остатков,
Если кот не сожрал из жестянки опять иваси...
Эта тварь доиграется, будет со шваброю схватка,
И браниться я буду по-русски, а не на фарси.

Подкую, как блоху, он узнает, почём стоит лихо,
Хорошо, хоть шмурдяк наш не пил, – ведь котам западло.
Правда, в тапок нассал, паразит, как ипритом попыхал,
Улыбаясь в котовые вибрисы зло и светло.

Улыбаниями этими мне не заменишь закуски,
Даже шорох болезнен, когда ждёт душа опохмел.
Хорошо, что пишу до сих пор хоть немного по-русски, —
И по трезвости я это делать не слишком умел.

Чики-пуки

О КАПРИЗНОЙ

Роман Айзенштат

Я ее капризам потокаю.
Почему? Задуматься пора.
Ведь и вправду, точно я не знаю,
Что из моего она ребра.
Может быть всего лишь прикипела
За года, что прожила со мной,
Стала частью жизни, частью тела,
Правда, не пойму пока какой.

*

Столько лет терплю ее капризы,
Исполняя каждую чик-чак.

*

Надоест! Чуть на луну повою,
А потом опять я к ней бегу.

Всё с любовью нашей чики-пуки,
Мы играем с нею не в трик-трак.
Лишь дойдут до рифм шальные руки,
Мне она: «Парниша, это мрак!»
А ведь точно знаю, Галатея
Эта получилась из пустот,
Что Творец на день шестой, потея
Создал, заглянув ко мне в живот.
Вот она, красивая, как печень,
Вытянута вверх прямой кишкой,
От её ума укрыться нечем,
Так и норовит блеснуть башкой.
А была бы просто частью тела,
Я бы с ней, родимой, совладал.
Пукала б внутри, когда хотела,
А не нарывалась на скандал.
Кинул Бог подружку, как репризу,
Отходя от дел своих ко сну...
Не попросишь в рай отъехать визу,
Вот пищу и вою на луну.

Назад, к истокам

Знаки препинания
Москалев Дмитрий

Давай оставим запятые,
Святая ложь нам не к лицу,
Такие вещи непростые,
Подвластны только мудрецу.

Пора уже расставить точки,
Меняя смысл навсегда,
Как раньше было много строчек,
И как сейчас одни слова.

*

Кто там придумал алфавиты?
Ведь проще было бы без них.
Накрыв условности корытом,
Возможно замастрячить стих.

Пора бы малым обходиться,
Куда нам столько лишних букв!
И муза – не большая птица,
И у писаки – пара рук.

Итак, начнём. Не надо гласных,
Согласным тоже места нет,
И запятых долой опасных,
На них ведь не сошёл свет!

А что до этих глупых точек
И прочей лажи в виде скоб,
Давно поэты зубы точат,
Их не сломать о знаки чтоб.

Верней всего забыть про рифмы
И прочий непотребный бред,
У музы, глупой старой фифы,
Парнокопытный мул – поэт.

Святая правда лжи не пара,
В заглавной букве смысла – ноль.
Весь алфавит для мозга – кара.
Мычи. И буквы не неволь!

Профессионал

Владимир Беспалов Барский
Во хмелю

Чуть охмелею – с отвычки, —
и никого не корю, —
я во хмелю, по привычке,
с богом порой говорю...
– Знаешь, всё вышло не гладко! —
видно, судьба, как назло...
Я всех любил без остатка,
мне же в любви – не везло...
*

Выпью ли штоф без остатка,
Или сто грамм повторю,
Больше не пишется кратко,
Дюже словами сорю.
Дамы бывают в восторге,
Край, только час или два,
Некому мне «гутен морген»
Утром промолвить. Едва
Выйду, расстроенный, в люди,
Тут же в груди холодок:
Кто же поэта полюбит,
Коль он в пивнуху ходок.
Бог сотворил меня равным
(Жаль, уродился задрот),
Чокнусь с ним с тостом заздравным...
Только Создатель не пьёт!
Цыкну я зубом с досады,
В зеркале блики словлю
И представителя ада
Вместо Него полюблю.

Образчик мысли

Мудрецы
Владимир Беспалов Барский

Жизнь – это не экзамен...
И – не венцы побед...
А те, кто жил, сказали:
всё суета сует...

*

Мы истину искали,
Неся какой-то бред,
А мудрецы – шептали
О суете сует...

*

Жизнь – это не пробежка,
Но на литсайте след,
Где и орёл и решка —
Ты, дерзостный поэт!

Ты, мудрый и прекрасный,
Ты, славный, спору нет.
Все остальные, ясно,
Лишь – суета сует.

Ты лез, ломая ногти
И зубы, на Парнас,
Пока другие сопли
Жевали в тот же час.

Ты, словно светоч мира,
Умищем скор зело,
Щипля перстами лиру,
Метёшь, как помело.

Враги тебя терзают,
У них сознанья нет,
Но ум и твой не знает,
Зачем верзает бред.

Мой собеседник гневный,
Едва ли дашь ответ
Простой и задушевный,
В чём суета сует?

Врача!

Болезнь души
Владимир Беспалов Барский

Душе болезни тела – не страшны...
А дух – преодолагает сердца раны...
Болезнь души? – мне отчего-то странно:
Когда болит душа – тогда больны?..

Болезнь ума! – вот каверзный исход
Мирского зла, – а не души разруха...
*

Мне не страшны ни сифилис, ни СПИД,
Они с душой не связаны по жизни.
Когда мой ливер в животе болит,
Душа мне тихо шепчет в уккоризне:

«Лечись, балбес!» А я ей: «Как не так!
Ты помолчала б и не дула в ухо!
Мне от тебя лишь дурость и проруха,
Я от рожденья хроник и мудацк».

Муки Икара

Небо
Володя Гилян

«Я понимаю, как страшно
В жизни прослыть дураком,
Но забираюсь на башню —
Небу грозить кулаком
*

Белыми птицами тают
Ангелы на высоте.
Небо люблю,
Но не летаю...
Крылья – не те...

Дурню быть дурнем не в жилу,
Хоть и не купишь ума.
Дурень зайдёт к тебе с тыла,
Словно эпоха сама.

Скуден язык её тощий,
Что упрощён до гвоздя,
Каждый поэтёц солощий
Бряцает, небу грозя,

Словом, пером, кулаками,
Удалью дымных пещер...
Тяжко, порой, с дураками,
Мир их заученно-сер.

И на земле без приюта
Легче прожить дураку,
Если не видно кому-то, —
Рот-то его на боку!

Как в небе облако в мае
Пухнет, раздулся дурак.
Счастье, что он не летает,
Лишь развлекает собак.

Любовь – не картошка

Отпуск в деревне
Любовь Константинова

Ёжик торопится в норку под ёлкой,
Яблоки тащит на острых иголках.
Яблочный сад, речка... отпуск в деревне!
Ёжики... яблоки... банки с вареньем.
*

Вспыхнет любовь, как зажжённая спичка.
– Местный Адам любит Еву, москвичку?!
Роем гудит вся деревня, пчелиным.

Ёжики... яблоки... крик журавлиный...

...Шорох и крик замирают над лесом...
Даже у пчёл есть свои интересы,
В жопу укусит иная лису,
Или усядется в волчьем носу,
Жизнь её тут же подвергнется риску.
Сеяла бабка Агафья редиску,
Выставив вверх трудовой афедрон.
Мимо прошествовал конюх. И он
Вспомнил, как бабку любил беззаветно,
Сплюнул и ей улыбнулся приветно.
Всё же любовь – не редиска с картошкой,
Тут бы и мне посмеяться немножко,
Но не могу. Вспоминаю ежа.
Яблоки нёс он, на иглы нижа,
Да расхватили голодные дети,
Нет у поэта признания в свете...
Ева с Адамом мутили давно,
Но не кончается это кино.
Ёжики, яблоки, мухи и пчёлы,
Мёд и говно, и конец невесёлый...

Здравствуй, запой!

Скучаю...
Марианна Макарова

Это не прихоти и не капризы,
Так суждено мне – идти по карнизу.
*
Молча, не взыв от отчаянья волком,
С сердцем, зашитым тупою иглой —
Вымытой чашкой от старого чая —
Вам улыбнусь... хоть кричалось: «Скучаю!»...

Мою старательно с детства посуду,
Хвастать при этом успехом не буду.
Шью-зашиваю тупою иглой
Дырочки, дыры, дырищи и щёлки.

Только скучаю при этом безмерно,
Даже сдают мои рваные нервы,
В счастье билета не купишь и визы...
Голуби вновь обосрали карнизы.

Как дальше жить, если хочется волком
Взвыть у окна? Поломаю иголку,
Выпью чего-то покрепче, чем чаю,
Здравствуй, запой, я уже не скучаю!

БИТЫЙ ПИКСЕЛ

Юлия Меркулова
Рифмой по живому.

*

Мы белим стены, душу и лицо,
Мы солим стейк, пол за плечом и раны,
Прямоугольным делаем кольцо
И открываем в половодье краны.

*

Мы гоним мысли, сок и календарь —
Мы топим печь занозами из чисел,
Мы говорим «как хочешь» вместо «жаль» ... —
И просто заменяем битый пиксель...

Чужую кровь не пью из полых вен,
И не крошу батон на тех, кто в теме.
Так много есть израильских колен,
Что на земле давно смешалось семя,
И не понять, кто умный, кто дурак,
Кто пишет стих, а кто несёт пуржищу,
Поскольку может извращаться всяк,
Кто славы поэтессы втуне ищет.
Я вижу поэтический заглот,
Я обнимаю смелую фемину,
Что пролила на клавишу чистый пот, —
Не весь, видать, едва ли половину.
Она по карте вычислила пик
Парнаса и пошла туда без страха,
И мысли след в уме её возник,
Как шум речной в ущелье Карабаха.
Открылся кран, забил струёй фонтан,
Забегало и заметалось Слово...
Кто не был от себя, родного, пьян,
Тот не вкушал блаженства неземного.
А кто к моим сказаньям не готов,
Кто с пародистом здесь ещё не свыкся,
Сушите вёсла. Просто меньше слов.
Или в мозгу смените битый пиксел.

Ни бе, ни ме

Александр Сизинцев
Разлука

Так Судьба распорядилась.
Разлучает нас с тобой.
Угодили, знать, в немилость...
Эх, дорожкой столбовой!

*

С губ твоих нектара лучше
слизывать пушистый снег.

*

И на беззащитной коже
снег... вода... и стынет лёд...
Задыхаюсь я. От дрожи
и бессилья меркнет свод.

*

Это ж надо так случиться,
Извернулось бытие,
Перестало в рёбрах биться
Сердце глупое моё.

Я его и так, и эдак,
Всё одно, – ни бе, ни ме.
Холодею я от бреда,
Что ползёт под кожу мне.

Вот лежу, по грудь засыпан,
Снег не тает на губах.
Музой я вконец запытан,
И Пегас наводит страх.

Эх, дороженька кривая,
Сивка-рифма словно смерть,
Полон мыслями до края,
Не готов я помереть!

Глядь, собака лижет губы,
Сердце торкнулось в груди,
Хоть её намёки грубы,
Всё же вечность впереди.

Оперюсь, начну сначала,
Повлажнеет нёба свод,
Что б там Муза не мычала,

Выйду с рифмами в народ!

Снег валит. И, правды ради,
Я стихии сей под стать.
Чтобы славу мне погладить,
Надо б Музе полизать.

Мочалки, эй!

Была у меня лет пятнадцать мочалка
Светлана Зеликова

Была у меня лет пятнадцать мочалка —
В наследство досталась, и выкинуть жалко.

.*

Десятки с тех пор я сменила мочалок.
И каждый последующий – худший аналог.
Открылась мне истина, честное слово:
Не всякое новое лучше былого.
Не всякое старое хуже новья.
Но вам ведь понятно, о чем это я.

Я вам пропою свой куплет про мочалку,
Ведь я не святая, простите, весталка.
Мочалка моя из загривка коня,
Я с нею без мыла не мылась ни дня.
Читали стишок «Мойдодыр» у Корнея?
А я до сих пор от мочалки хренею.
Посмотришь, иная красива, как я,
А трёшь ею тело, не трёт ни фуя.
Ни кайфа, ни толку, и траты напрасны,
И тело, поверьте, воняет ужасно.
Привычка бывает важнее натуры.
В мочалке бытуют зачатки культуры.
Ты помнишь, читатель, «изделие два»?
Ведь к творчеству, в целом, дорожка крива.
На Баковке знали, – родятся поэты,
Когда разгружается вилами «это».
Да, взять хоть меня, я родилась на свет
И мне как мочалке аналогов нет!

ВСВ

Да, были люди в наше время...
Графомачо

Бывает так – живеи живых, безвольных и унылых,
Средь кладбища, из золоченой бронзы, но стальной,
*

И волком выл он о стране, где за флажки стремился,
Но не трусил, не трусил и, не обрета свобод,
Не ставил крест на Родине, хоть и в других прижился б...

Бывает так, что графоман берётся за писанье,
Не зная, как ему себя над миром возвести.
Долбить словами пустоту – вот главное призванье
Того, кто любит у кладбищ о смерти бред нести.

За горло Музу прихватив, выдавлиывает рифму,
Цепляя пальцами струну и нюни распустив,
Елозит, грезя о молве, усиленно по грифу,
И, подражая «ВСВ», хрипит его мотив.

О, сколько я таких певцов слыхала по подъездам!
Их нескончаем хоровод в совке когда-то был...
Теперь куражиться вольно и вовсе, всякий бездарь
Тревожить может без помех прах дорогих могил.

Он волком воеет, он кричит, он лает и скрежещет,
Тревожа смерть на голоса руладами души.
Она стальная у него и очень любит женщин
Не только мацать, но бранить и даже потрошить....

Гигант свежей мысли

Мужчины маде ин юср
Графомачо

Носили автомат водили жигули
И залпом пили спирт не настроляв на водку
Да только вот Отчизну не уберегли
Знать атом отсырел в ракетах и подлодках
*

И сердце отдаленным эхом дискотек
Зайдется вдруг в груди
И пузырек хватая
На тумбочке роняем фото где в фате
До лишнего ребра любимая
Родная

Не знаю я, как вам, а мне не до фемин:
Натура тяжела и будто одичала,
Она давно с трудом выносит вес штангин,
Она мне все мои надежды обломала.

А было дело, я смотрел через прицел,
Строчил по номерам и пил не по чекушкам,
Но с ног сбивал не спирт, а старший офицер,
Ласкала не жена, – случайная подружка.

В даль годы утекли, расхлябанно глумясь,
Мой огород мечты зарос чертополохом.
Хотел из грязи – ввысь, а вышло – мордой в грязь.
Пишу о том-о сём (пока выходит плохо).

Мне зубы заменил пластмассовый оскал,
Мне слуховой протез натёр больное ухо,
Но я в геройских снах всех резво обскакал,
Как истинный поэт – образчик пира духа!

Не смей меня учить! Я юн и свеж мозгой!
А если прислонить меня к горячей стенке,
Ещё я покажу планете, кто такой
Вертел её за ось, шутя, в своей нетленке!

Разноцветная пародия

Марианна Макарова
РАЗНОЦВЕТНОЕ ВРЕМЯ

В опустевшее небо не рвётся намокшая птица.
И не сыплется стружкой – комочек сырого песка.
Очень сложно само; й от холодной зимы излечиться,
А в застывших ладонях шуршащих минут не сыскать.

Было время – из радуг, а крылышки птичьи – цветными.
Ливень краски все смыл и смешал воедино с песком.

*

Разноцветное время насыпать в сухие часы.

Разноцветные струи в реке – керосина разводы,
На песке целлофан и пустые бутылки в камнях,
Я люблю закусить возле грустно стоящей природы,
Подержать её ветки-иголки в хозяйских руках.

Было время, и пили из речки иные горстями,
Или ртом припадая к живительной водной струе...
Но теперь перестали мы быть у природы гостями
И забыли о том, что мы временны в этом жилье.

Вот корова идёт похлевать керосину из речки,
Я подвинусь и дам себе время подумать чуток,
Почему её вымя в полосочку, были утечки
Радиации, съела она ядовитый цветок?

Подступили ко мне, словно радуга, разные мысли,
Вот освоим планеты от Марса и космосу вглубь...
Там, поди-ка ещё дым не вис, как у нас, коромыслом,
Там коровы белы, и рога их, и вымя, и пуп.

Поэтическое ассорти

Евгений Вермут
КОПАЯСЬ В СЕБЕ

Я сейчас голодранца не краше —
Типа, как подзаборная «знать».
Отыскать бы все ценности наши,
Только где их сегодня искать.

Не рубли, не юани, не евро —
Ни к чему мне сие ассорти.
Успокоить бы чертовы нервы,
Но сначала бы душу найти.

*

Типа, дунули-плюнули где-то
В небесах, позабыв политес,
Положив на меня своё вето...
Но подкрался по-тихому бес.

Вот и стал я с тех пор неприкаян,
Типа, «как подзаборная „знать“».
Сам Адам был из глины изваян,
Из чего ж мне себя изваять?

Ни души, ни рубля, ни рассудка, —
Никуда от себя не уйти, —
Типа, чья-то нелепая шутка,
Типа, стих, как его ни крути.

Осенняя телегия

Осенняя элегия
Любовь Константинова

Дождливая промозглость, осенняя хандра,
В свинцовых тучах небо голубое.
Куда же бабье лето ушло? Ещё вчера
Смеялась осень со страниц Плейбоя:

В одежде Евы, косы златые распустив.
*

А инквизитор дворник уже палит костры,
Чтоб сжечь скорее осень, словно ведьму.

Вот так живёшь и ждёшь, а дождь всё не идёт,
Чтоб оплодотворить мятущуюся душу.
Уже вскопала я под зиму огород,
А ветер лезет в рот и задувает в уши.

Намедни я журнал вертела перед сном,
Журнал-то так себе, – сам неказист собою.
Там полуголых дев на всех страницах сонм,
И каждая из них вполне «готова к бою».

Но не по-русски те красавицы тощи,
У нас такое «ню» не принято в глубинке.
Мы здесь вдали от всех хлебаем лаптем ши,
Но выгладим умно и чешем без запинки

О том, что наш уклад в Европах не поймут,
У нас особый путь, плей-бои и плей-касты.
У них там голяком все на парады прут,
Поскольку сплошняком весь Запад – пеерасты.

Тут или крест сыми, или трусы надень.
Лишь осень и зима имеют право голо
Бродяжить вдоль дорог, отбрасывая тень
На нас, своих певцов, поющих волчье соло...

Инкогнито брожу, по-бабьи жду дождя,
Естественно, прозрачно-золотого.
А осень машет мне листвою, уходя,
И уж моё стишко, как колобок, готово.

Про Катюшу, Родину и танк
Юрий Викторов

Тем, кто карту глобуса не знает,
Я напомню прямо с первых строк —
Широка страна моя родная
И причём – что вдоль, что поперёк.
*

Хорошо, что выпивши по триста
За страну, родную нашу мать,
Три весёлых заводных танкиста
Вместе с танком вышли погулять.
*

Мать – страна раздвинулась пошире,
Унеслась с полей и рек печаль.
Самураям вышло харакири,
А танкистам – песня и медаль!
*

Широка страна моя родная,
Глобус ейный – криво сшитый мяч.
Было дело, родина, рыдая,
Чёрствый грызла жалобно калач.

Но хотела родина блаженства
Даже не себе, а странам зла,
Что так далеки от совершенства,
Как поэт от горного козла.

Раздвигая шири, словно ноги,
От морей восточных до границ
Западных, она свои дороги
Не мостит по принципу столиц.

Тонут шири, веси и долготы
В маслянисто-глинистой грязи,
И кричат в экстазе идиоты, —
Анпиратор, милый, помози!

Мы тебе согбенно присягаем,
И готовы даже землю есть!
Заманило будущее раем,
А энтузиазм-то вышел весь.

Мы поём по-старому, но воем
Эхо отзывается вдали.
Ничего, похоже, мы не стоим,
На одной шестой живя земли.

Что ж такое, где же наши средства,
Как нам это поле перейти?

Все живут прекрасно по соседству,
А у нас лишь топи на пути.

Ёшкин кот, богатств у нас до чёрта,
Рупор в руки и кричать наверх:
«Господи, дай хлеба нам, не торта!
Видно спит наш анпиратор – стерх!

Вытащи, Создатель нас за жабры,
Обрастаем шерстью с чешуёй!
Пишем, как с куста, абракадабру
И всюю любимся собой!»

Блеск и нищета

Не пара
Любовь Константинова

На пыльной дороге, прижавшись друг к другу,
Лежали два преданных, любящих друга.
Один был – сапог из прессованной кожи,
Другой – летний шлёпанец, (пластик, похоже).
*

А жизнь по местам всё расставит, дай срок.
Не пара, для шлёпанца, зимний сапог.

«Ботиночки дырявые, от холода дрожу и пальцами корявыми
узоры вывожу» – народный тюремный эпос.

По бедности нашей мы носим до дырок
Китайский, ужасно вонючий, ботинок,
Не думая, что привыкая к чему-то,
Становимся тем же, учти на минуту.
Вот ты, поэтесса, любимица музыки,
Ты носишь с начёсом советским рейтузы,
А знаешь ли правила этого чёса,
Иль даже не ставишь такого вопроса?
Тебе подобрать бы такую же пару,
Но кто возжелает по жизни коШМАРУ?
Иль вот, для примера, ты кушаешь что-то,
Картошку с черняшкой и чашку компота,
А после садишься писать про природу, —
Такая у всех, музой трахнутых, мода.
И что ты напишешь, смотря на очистки?
И пьёшь, зуб даю, самопал, а не виски.
Хоть тресни, стихов не видать вдохновенных,
Страдая от газов в желудке презренных.

А жизнь всё рассудит, ты в этом права.
И вряд ли поможет от бреда трава.

Осенняя телегия 2

Осенняя элегия
Любовь Константинова

*

Куда же бабье лето ушло? Ещё вчера
Смеялась осень со страниц Плейбоя:

В одежде Евы, косы златые распустив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.